

Группа Евтушенко

ПОЭЗИЯ

Мек. новости,
-1998, - 29 марта -
- Samp. - с.28, 29

Уже более года существуют регулярные телепередачи, прямо отанные поэзии. Я имею в виду «Строфы века», программу Евгения Евтушенко, созданную на основе одноименной его антологии.

Эта программа стала событием для сотен тысяч зрителей в самой России и для зарубежья (многие эмигранты заказывают диски). Недавно я воспользовался приглашением и провел день в специально созданном при телекомпании ее подразделении, которое называется «Группа Евтушенко». Здесь уже готовы (и в основном выпущены на экран) 66 передач о сотне русских поэтов столетия. Размах поистине евтушенковский. Впрочем, думаю, что и сам Евгений Александрович подобного разврата все же не ожидал. Я невольно сосредоточился на авторах, отношении к которым Евтушенко было мне наиболее любопытно.

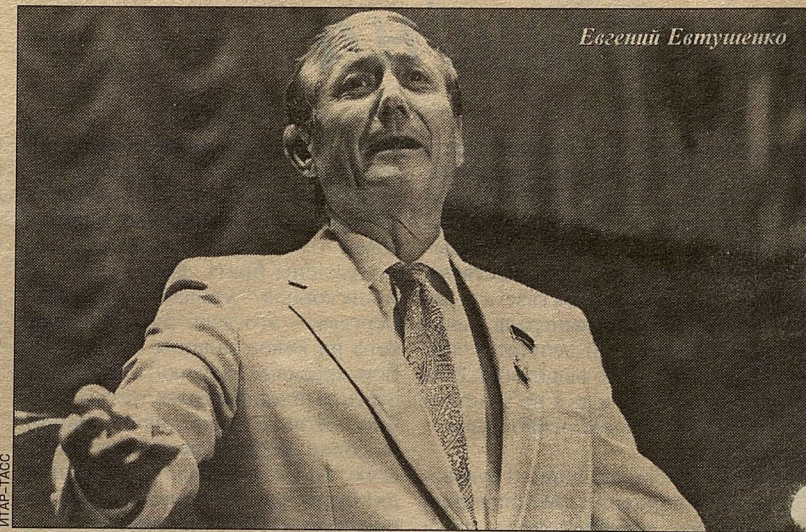
Один великий критик, сравнивая поэзию державинскую и пушкинскую, что-то туманное наплел о том, что это, мол, одно и то же, только что одна пришла не вовремя. «Державиным» Евтушенко я считаю Николая Глазкова и решил начать мое знакомство с передачи о последнем Председателе Земного Шара, по собственному хотению ставшем преемником Хлебникова. Николая Ивановича я знал, однажды он зимой пригласил меня купаться на Москву-реку. Я робко ответил, что не рожден «моржом». Последовал ответ: «А знаете ли вы, что нужно для того, чтобы стать моржом? Хороший фотограф!» О «моржевании» Глазкова в пе-

О передачах «Строфы века» на REN-TV

редаче также упомянуто, и фотографии в архиве обнаружались дивные. Но много и упоенно говорилось и о стихах создателя «самсебяиздата». Мне по душе, когда не замечают следы, а дорожат памятью об учителе. Бесстрашно-откровенное интонационно-голосовое родство я уважаю. Мне кажется, что Евтушенко так сроднился с прямой и свободной речью добродушно-лукавого Глазкова (который для него непрекаемо велик), что глазковские стихи стали словно бы своими. С болью говорит Евтушенко о поражениях Глазкова, говорит знающе, убедительно, не радостно и пристрасно. Размышляя, может быть, и о себе. Сказано о Николае Ивановиче: «Сломавшийся, но все-таки успевший воплотиться гений».

Ахматова утверждала, что в поэзии есть поэзия «по существу» и – как в цирке – поэзия «оригинального жанра». Со мною не согласятся многие, но для меня Николай Иванович прежде всего – явление этого «оригинального», скороморшего жанра. В том нет ему урона, он таким и хорош, то смешливый, то влюбленно-пылкий, то корявый, то окрыленный, неисчерпаемо талантливый.

Евтушенко увлеченно говорит с экрана о самых разных авторах. От Блока и Есенина до малоизвестных, как, например, забытая и прекрасная Вера Меркурьева. У меня возникло ощущение, что некоторыми авторами он увлекся только по мере составления своей антологии, а иными даже по ходу этих телепередач. Вдруг он разговорился об Арсении Тарковском и называет тронувшее душу стихотворение «Вот и

Евгений Евтушенко

лето прошло...» гениальным. Признаться, давно любя поэзию Тарковского, я все-таки так не думаю. Но, видимо, для Евгения Александровича стихи эти были внезапным открытием, озарившим сумерки откровением.

Удивительно читал свои стихи Тарковский. Удивительно читает стихи Тарковского и Евтушенко, для которого большая аудитория всегда была средой обитания. Своим победоносным и мастерски поставленным голосом он извлекает из знакомых мне текстов негданные смыслы.

Модуляции голоса ведущего в каждой передаче возникают разные. Комментарий самые разнообразные. Все, как и в отборе стихов для антологии, неизбежно субъективно. Я понимаю, что особенной страстью Евтушенко является лирика Ярослава Смелякова (которого стихотворцы в своем цеховом кругу считают великим поэтом). Блестящая подборка Смелякова в «Строфах века» собрана с любовью. Суждения Евгения Александровича о двух началах в творчестве ценимого автора – государственном и антигосударственном – точны. Здесь у Евтушенко особое чувство родства, желание стать духовным наследником предше-

ственника, жажда благословения...

Свои стихи Смеляков читает все-таки лучше всех. И, как ни странно, музыка и вращение патефонной пластинки при этом чтении уместны. Евтушенко как бы в себе самом проживает жизни других поэтов. Говорит ли он о трагической и кровавой жизни Бориса Савинкова (не только террориста и героя, но и подлинного, изысканного поэта), или, например, о драме и прозрении Леонида Мартынова, или, скажем, об изломанной судьбе одаренного конформиста Сергея Наровчатова... С какой-то вкрадчивой влюбленной интонацией произносит всегда живущие в сердце стихи Владимира Соколова и рассказывает об ушедшем друге. С большей силой говорит, дыша гневной мощью слов Бориса Слуцкого. С этим библейским пророком молодого Евтушенко роднил социальный пафос. Страдание к людям, прошедшим «через мордой об стол...». Заметим, что в русских стихах всегда своенравно возникали многочисленные нерусские интонации. Явно звучащая здесь еврейская – выразительна и великолепна (в стихах иных авторов она часто невыносима). Евтушенко воспламенен жаром правдоискательства Слуцкого. Идет за

этим омывающим, очищающим душу голосом совести.

Нельзя объять необъятное. Поэтов много... Не скрою, многое из того, что говорится в этих передачах, раздражает меня. Но я был бы нечестен, если бы не сознался, что мне дороги и минуты подлинного соучастия. Минуты, когда я остро ощущал оттенки всей гаммы переживаний самого Евтушенко, когда меня радовали его артистизм и балагурство, его искренняя взволнованность. Когда забывались позерство и личная заинтересованность и становилось на виду горение «общего дела».

Вся «Группа Евтушенко», по моим наблюдениям, влюблена в своего ведущего и боится только дня окончания программы. Не надо думать, что эти люди безучастно занимаются чем-то рутинным. Восхитительны их закулисные реплики. Поглядев на поздную фотографию больного Владимира Николаевича Соколова, стоящего с палкой, на хмурое и решительное лицо поэта, видеоинженер воскликнул: «Стойкий оловянный солдатик!». По-моему, лучше о Соколове не скажешь.

Для «МН» мне пришлось написать и о евтушенковской антологии, и о новой поэме Евтушенко «Тринадцать». Две обширные статьи, в которых выражены смешанные чувства. Я не беру ни слова назад. Но вот буквально на наших глазах творится важное для тех, кому дорога поэзия, дело. Кто-то ведь должен был повести этот простой и твердый разговор, нужный и начинающим, и состарившимся мечтателям. Пусть же его ведет Евтушенко, которому оказалась по плечу необъятная задача!

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

201